

Кристина Романютенко

красные бабочки

Кристина Романютенко

Красные бабочки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23684920

ISBN 9785448501951

Аннотация

История, основанная на реальных событиях, раскрывающая весь диапазон человеческих чувств и эмоций. История, пропитанная жизнью.

Содержание

Благодарности	5
Основано на реальных событиях	6
Лео	7
Глава 1	7
Кто я?	7
Глава 2	12
У любой истории есть начало...	12
Глава 3	22
Бежать. Бежать. Бежать	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Красные бабочки

Кристина Романютенко

Дизайнер обложки Александр Артамонов

© Кристина Романютенко, 2017

© Александр Артамонов, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-0195-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Огромное спасибо моему талантливому и верному иллюстратору Александру Артамонову, который, как верный рыцарь, нарисовал очередную шедевральную обложку для моей книги.

Спасибо человеку (имя я обещала не разглашать), который доверил мне свою жизненную драму и разрешил написать об этом книгу, добавив события, которые никогда не имели место в реальности.

Спасибо моей музе, которая так бережно охраняет мой творческий покой, не бросает меня и продолжает вдохновлять.

Спасибо мои друзьям и близким, особенно моим родителям, которые так верят в меня.

Спасибо тебе, мой читатель, за то, что всегда рядом и держишь меня за руку.

*Ваша Крис,
с любовью*

Основано на реальных событиях

Лео

Глава 1

Кто я?

Стрелки часов предательски отсчитывали время назад, заставляя сознание окунуться в помойное ведро воспоминаний. Перед глазами всплывали лица людей, похороненных под слоем времени. От запаха сгнивших переживаний, рвота подступала к горлу. Я сжал кулаки, чтобы сдержать свои физиологические потребности.

– Я рядом, – дрожащими руками она разжала мои кулаки и прижалась к груди. – Я рядом. Ты не один.

Глухой щелчок. На долю секунды всё остановилось. Отец стоял настолько близко, что я вновь ощутил запах его сигарет и парфюма, который покупала моя мама. Каждый раз отца передергивало от этого аромата, но он героически пользовался им долгие двадцать лет, так и не сказав ничего своей любимой женщине. Папа улыбался, затягиваясь очередной сигаретой, и задорно подмигивал мне, заставляя морщинки собираться в уголках глаз.

Хлопок. Стрелки побежали вперед так быстро, что все

мои внутренности перевернуло и вывернуло наизнанку.

– Не переживай, – прошептала она. – Я все уберу. Пойдем. Пойдем.

Своими тонкими маленькими ручками она сгребла огромного меня в охапку и уложила на кровать. Гнойные воспоминания проникали в каждый угол моего сознания, безжалостно вскрывали залеченные раны прошлого, пронзали своими шипами и раздирали все прекрасные моменты, которые я так бережно хранил.

Резкий холод заставил меня вздрогнуть.

– Тише, это всего лишь полотенце, – прошептала Маша, приводя меня в сознание. – Тебе надо немного отдохнуть.

– Мне необходимо тебе все рассказать. Ты не понимаешь, кто я. Ты вообще не должна здесь находиться. Я подвергаю тебя опасности, прости...

Я впился губами в ее ледяные руки и стал целовать их.

– Когда ты узнаешь, кто я – ты и сама не захочешь быть здесь. Моя вина. Я обещал себе. Но ты... Я не смог удержаться.

– Лео, – голос ее был невероятно спокоен. – Я рядом, и, если ты готов, я слушаю.

Я закрыл глаза, опустил на подушку, и отправил свое сознание разгребать помои памяти, чтобы вызволить воспоминания двухлетней давности...

– Ты знаешь, два месяца прошло, а я помню как вчера. Черт! Голова сейчас взорвется от всего. Ты уверена, что хо-

чешь знать? Уверена? – мой голос сорвался до нервно-истеричных нот, я вцепился в ее хрупкие плечи.

– Я здесь, – прошептала она. – Я была здесь и буду. Рядом.

– Я тебя не стою, – я обреченно рухнул на подушку. События прошлого с наслаждением уничтожали моменты, наполненные мимолетным, но все же счастьем.

– Рассказывай, – жестко приказала Маша и взяла меня за руку. – Я слушаю.

От ее прикосновения вулкан моего прошлого стал сотряться в агонии, выхаркивая раскаленные воспоминания.

– Я в международном розыске, – почти закричал я.

– Забавно, – невероятно равнодушно выдавила Маша.

– Что ты сказала? – по слогам спросил я. – Забавно?

И только? Просто «забавно»?

– А что ты хочешь услышать? – ухмыльнулась она. – Скажи, что я должна сказать. Ты в международном розыске. Я слушаю твою историю. Я все еще здесь. Держу твою дрожащую ладонь. Я рядом. Если, конечно, ты не рецидивист, который сбежал от жены с шестью детьми.

Уголки ее губ расплзлись в пленительную улыбку, забавные ямочки на щеках задорно подрагивали от смеха. Рядом с ней я ощущал себя в безопасности. Эта хрупкая маленькая блондиночка стала моим домом, моей опорой, моей крепостью, моим тылом.

– Я не крал. Я не убивал. Я не бросал своих детей, – улыбнулся я. Она удивленно подняла правую бровь. – У меня их

еще нет. Поэтому и бросать некого.

Маша с нежностью провела свободной ладонью по моей щеке. Ее маленькая изящная ручка с аристократично-длинными пальчиками вернула меня в далекое детство. Сколько же мне было? Я точно еще не ходил в школу. В моей комнате стояла неудобная кровать с матрасом, мягким настолько, что я просто утопал в нем. А от воспоминания о ядовито-зеленых обоях с динозаврами я до сих пор вздрагиваю. Но я был счастлив. Каждую ночь мама ложилась рядом со мной, я прижимался к ней, а она гладила меня своими мраморно-холодными руками по волосам. От нее всегда пахло корицей и кофе, как от Маши.

– Не молчи, – с нотками стали в голосе произнесла Маруся.

– Принеси воды, пожалуйста, – попросил я, облизывая сухие губы.

Я был готов на всё, чтобы еще несколько минут насладиться её, еще пока любящим, взглядом, той искренностью, которой она заполняет все пространство вокруг себя, безграничной верой в меня.

– Не молчи, – потребовала Маша.

– Я – беглец..

– Душа моя, у любой истории есть начало. Мне не так важен конец или его отсутствие в этой истории. Бегство – лишь последствие каких-то событий. Я хочу знать, что случилось полгода назад.

– Маш, я не понимаю тебя. Ты не боишься?

– Лео, я боюсь лишь одного – однажды проснуться и не застать тебя рядом. Я ужасно боюсь потерять тебя. Пускай эгоистично прозвучит, но мне необходимо, чтобы ты был рядом.

– Ты...

– Я – это всего лишь я. И сейчас мы разговариваем не о моих страхах или желаниях. Мы возвращаемся в прошлое, чтобы решить, что можно сделать в настоящем, чтобы изменить будущее.

В ее огромных изумрудных глазах горело столько решимости и уверенности, что я просто не смог бы больше молчать. «Пан или пропал», – говорил отец перед самыми важными сделками. – «Сын, всегда иди до конца. Не сворачивай с выбранного пути. Только тогда рядом с тобой будут люди, которые никогда не бросят в трудную минуту. Только тогда появится та женщина, которая станет твоим домом».

Глава 2

У любой истории есть начало...

Многие скажут, что я – невероятный счастливчик, потому что родился в одной из самых влиятельных семей Екатеринбурга.

Мой отец, как и мой дед, всего добились сами: по кирпичику они выкладывали свой бизнес, находили партнеров, убеждали клиентов, спасались от банкротства. Каждая заработанная ими копейка – это кропотливый бессонный труд, который сжигал отца и деда. Если бы не моя мама и бабушка, эти мужчины никогда бы не отдыхали – такими они были трудоголиками. Меня воспитывали с пониманием того, что мужчина сам строит свою жизнь, объясняли, что только я сам могу выбрать свой путь.

Мама пролила немало слез, когда я решил, что институт – это не глупая трата времени. «Мам, если мне прижмет, я куплю диплом или десять дипломов. Я должен сейчас начинать свое становление и взросление, а не еще пять лет сидеть на вашей шее», – уговаривал я ее. Несколько месяцев длилась эта слезливая блокада моей мамы, но все же мы пришли к обоюдному соглашению, «что когда я заработаю первый миллион, я обязательно пойду и получу высшее образо-

вание, как другие нормальные дети».

Я редко видел отца – вечные дела, командировки, встречи. У моих друзей отцы тоже часто отсутствовали, но восполняли эту пустоту деньгами, дорогими машинами, эксклюзивными драгоценностями. Их матери вечно пропадали в спа-салонах, заводили молоденьких любовников, некоторые в отчаянии развлекались с любовницами. И всех всё устраивало. Этакая богемная жизнь, чтобы другие завидовали. С детства я был окружен платиновыми детками и их истерично-никчемными мамашками, которые тяжелее своей сумочки и маленькой дрожащей псинки в руках не держали.

Мне было лет 12, когда я впервые осознал, насколько моя мама отличается от всех.

– Господи, Марго, – наигранно завопила однажды одна такая дамочка. – Что с твоими руками? Короткие ногти не в моде! Тебе срочно нужно посетить мою маникюршу. Сделает всё в лучшем виде.

– Алла, – спокойно улыбнулась моя мама. – Я не нуждаюсь ни в чьих услугах.

– Но, голубушка, – взвизгнула это чудо. – Правильный маникюр – это лицо женщины.

– Лицо женщины – это уют в доме, счастливый муж и воспитанный сын.

– Какие глупости ты говоришь, – засмеялась Алла. – Ты всегда как что-нибудь скажешь. Невероятная. Ладно, мы с Арчиком, – она поцеловала своего йокшира. – Уходим,

но ты подумай о маникюре хотя бы. Годы идут. А рядом с богатыми мужчинами всегда толпы молоденьких и красивых. Тут уж никакой уют не удержит штаны на ремне.

Мама прорыдала полвечера, разглядывая свои руки. Мой отец пришел тогда злой, какая-то сделка сорвалась, но, увидев свою зареванную жену, он сел рядом и прижал ее к своей груди:

– Почему моя вселенная плачет?

– Посмотри на мои руки... Они такие старые. Я даже не замечала, что на них столько морщин...

Папа с нежностью, на которую только способен огромный и суровый мужчина, взял ее ладонь: поцеловал каждый пальчик, каждую морщинку, а потом приложил руку к своей щеке:

– Ты чувствуешь, что и я не молодею. Мы ведь собирались состариться вместе?

– А что, если ты уйдешь?

– Мой космос, как можно променять тебя, женщину, которая держала меня за руку, когда жить не хотелось, которая последний кусок хлеба отдавала мне, чтобы я смог найти силы и пойти работать... Что ты так смотришь? Ты думаешь, я не помню, насколько ты тогда исхудала. Ты хоть представляешь, каким ничтожеством я себя ощущал, когда любимая жена улыбается и трясущимися от голода руками кормит тебя.

– Это неважно уже, – мама уткнулась лицом в его свитер.

– Ты – женщина, которая тащила меня, пьяного, ободранного, побитого домой.

– Нашел, что вспомнить...

– Нет, послушай. Я не хочу, чтобы у тебя даже мысль такая возникала в голове, что я могу променять единственного человека, который остался со мной после смерти моих родителей, когда все отвернулись. Всё, что я имею – это ты. Ты и Лео. Разве могло быть так, что у двух бесплодных людей появится ребенок? Это ли не доказательство того, что мы всё делаем правильно.

– Мне тебя не хватает, – прошептала мама.

– Мне тебя тоже.

– Будешь борщ? – засмеялась она и игриво прикусила губу.

– Конечно.

– А ты, мой маленький шпион? – мама обратилась ко мне. – Время уже двенадцатый час, тебе в школу завтра рано. Поэтому единственное объяснение твоему присутствию – это желание отведать борща.

Это одно из самых моих любимых воспоминаний. Именно тогда я осознал, что дороже семьи в этой жизни ничего нет. Со временем я стал рассматривать своих друзей под микроскопом «моего видения мира» и глубоко разочаровался. Я жил... Нет... Я существовал в эпицентре полых людей с ценниками. Так забавно было наблюдать за ночными распродажами своих друзей, когда с количеством выпитого, вы-

куренного и уколотого их прайс скатывался до ближайшего обезьянника или облеванного пола в туалете ночного клуба... Вариаций скидок было бесчисленное количество. Неизменным оставалось одно – звонок папы или мамы и этот секунд-хенд вновь становился люксовым брендом.

Ты, должно быть, считаешь, что я не такой?

До ближайшего обезьянника обычно ехать минут десять по Комсомольскому проспекту. А пол тот, выложенный красным кафелем, очень охлаждал. Отец обычно орал, запирал дома, забирал карту, разбивал телефон. Мама молча приносила завтрак-обед-ужин. Я делал вид, что «это больше не повторится», «я сам не знаю, как так вышло», «я не собирался драться с полицейским», «случайно превысил скорость до двухсот километров». И все налаживалось. Чувство родительской вины перед ребенком всегда творило чудеса прощения.

Однажды всё просто закончилось. Я проснулся от глубочайшего похмелья, в моей постели было две обнаженных девушки – типичное утро понедельника. В незнакомой квартире воняло сигаретами, алкоголем и сексом. Умываясь ледяной водой, я рассматривал свою опухшую рожу:

– С днем рождения, парень, – поздравил я свое отражение. – Пора взрослеть что ли?

Быть может это было некое провидение или озарение... А может, мне просто надоело это блудливое однообразие? У меня до сих пор нет ответа на этот вопрос. С того самого

дня, с моего 20-тилетия, моя жизнь круто изменилась: бессонные ночи в клубах с телками сменились ночными мозговыми брифингами. Все те знания, что родители так нежно взращивали во мне, наконец-то дали всходы. Я научился не только зарабатывать деньги из пустоты, но и ценить усилия людей, которые делают это вместе со мной. Полые люди заменились людьми-роботами, которые жили по сценарию «работа-дом-работа».

Так странно, обычно в книгах пишут, что в самые судьбоносные дни, ты замечаешь каждую деталь, запоминаешь каждое дуновение ветра. Вранье. Я даже не помню, какой это был день недели. Возможно, это был вечер. Или раннее утро. Все смешалось. Могу сказать лишь одно с полной уверенностью – это был двадцать восьмой мой день рождения.

Звонок телефона. Мама побелела. Телефон упал из рук. Беспомощные глаза. Женщина передо мной постарела лет на двадцать пять.

– Отца убили.

На похороны отца пришел, казалось, весь город. Театральные всхлипы, стоны, лживые соболезнования. Мы с мамой были вдвоем против всей этой псевдо-скорбящей толпы. Одни пришли лично убедиться, что их конкурент мертв, другие пришли за банальным пиаром, ведь повсюду были журналисты. Некоторые не стеснялись и решили какие-то свои рабочие вопросы во время погребения.

– Ненавижу их, – сквозь зубы прошипел я.

– Сынок, у нас нет выбора.

Мама устроила поминки в любимом папином ресторане «Палермо» [1]. Он любил это заведение за просторный зал, потрясающую кухню и обслуживание самого высоко уровня. Каждый месяц они с мамой выбирались сюда, чтобы провести вечер вдвоем. Мама проводила в сборах весь день: прическа, макияж, новое платье и туфли. Папа приезжал за ней, звонил и со словами: «Ваша карета подана, мадам. Прошу отведать с грешным смертным ужин в нашем местечке». Я всегда веселился, выглядывая в окно, как два взрослых человека (мои родители на секундочку), целовались в щечку и отправлялись на свое первое свидание, которое обычно заканчивалось в отеле. Когда я начал свои отношения с Кариной, до меня вдруг пришло осознание, почему родители так делают и почему их брак настолько крепкий. Я очень хотел быть для Карины, таким мужчиной, как мой отец был всегда героем для моей мамы. Я бы жизнь отдал за то, чтобы моя девушка смотрела на меня так, как мама смотрит на папу.

Я давно заметил, что чем лживее люди плачут на похоронах, тем веселее они отмечают поминки. Нет, я не ошибся. Партнеры, друзья моего папы, какие-то непонятные и неизвестные мне личности с количеством выпитого алкоголя становились все радостнее, отовсюду слышались пошлые анекдоты, сплетни, шутки, смех. И вот апогей – папин лучший друг Савелий вызвонил некоего парня, который оказал-

ся ди-джеем, и поминки моего родного человека стали напоминать чью-то свадьбу или юбилей.

– Карина не приедет? – спросила мама.

– Телефон выключен.

– Мне жаль, сынок. Боюсь, у многих выключится телефон для нас.

– Мам, она не такая. Она хорошая. Поверь...

– Дай Бог, сынок.

Мама никогда особо не любила мою девушку, хотя мы уже были два года вместе. Нет, она никогда не высказывала какого-то неодобрения моего выбора, всегда приветливо встречала Карину, но я видел, как она смотрит на нее. Ох, этот мамин взгляд я знал слишком хорошо. Именно им она встречала меня, когда я возвращался с очередной вечеринки.

Я до сих пор удивляюсь, чем же Карина ей не угодила, потому что папа моей девушки был одним из ближайших друзей моего отца и одновременно его партнером по бизнесу. В теории наш союз просто идеально входил в планы наших с ней отцов по слиянию бизнесов. Но мама всегда чувствовала людей очень тонко, если человек с первого взгляда не вызвал в ней доверия, второго шанса она никогда не давала.

– Я пойду отсюда, не могу – тошно, – прошептал я.

– Иди, завтра поговорим с адвокатом, – вздохнула она.

Я поцеловал мать и поехал к Карине. Она открыла мне дверь, как всегда прекрасная: ее длинные черные волосы нежными волнами спускались по шее, точеную фигурку об-

тягивал шелковый халатик, который я подарил ей на первую годовщину. Я сглотнул, подавливая желания впиться в ее пухлые губы, и спросил, заглядывая в любимые медово-карие глаза:

– Что у тебя с телефоном?

– Батарейка села, наверное, – хмыкнула она.

– Ты не пришла на похороны.

– У меня нет черного платья... – протянула она с отвращением.

– Карин, что происходит?

– Лео, зайчик мой, дело ведь не в тебе... Просто у меня другие приоритеты в жизни. Твой отец умер. Сейчас начнется разделение власти и денег. Мой отец не оставит тебе ничего. Твои фирмы ведь официально на твоём отце, а он, к сожалению, перед смертью надел очень много долгов. По факту, вы банкроты. На деле же должники всем: начиная от моего папы, заканчивая... ты знаешь все нюансы бизнеса наших отцов, – чуть тише добавила она. – Скоро к вам придут выбивать долги. Прости, но вы – нищие. А я привыкла уже жить по-другому, понимаешь? Я не смогу отказаться от денег.

– Я думал, что ты любишь меня.

– Лео, какая любовь? Наш союз был выгоден нашим отцам. Твоего отца нет. Нас теперь тоже. Прости.

И девушка, на которой я собирался жениться, хлопнула дверью прямо перед моим носом. В порыве ярости я долбил дверь до того момента, пока три огромных охранника не вы-

кинули меня на улицу.

У меня было много женщин, но лишь только Карина вызвала во мне настолько яркие и глубокие чувства, когда стогаешь от одной только мысли о человеке, когда желаешь обладать не только телом и душой, но и временем. Время – самый драгоценный подарок, который может подарить человек другому человеку.

Два года счастья рядом с ней, вместе с ней. Смешная, умная, бесконечно утонченная душевно, нежная, страстная, безумно красивая – это всё она. За эти семьсот тридцать дней мы ни разу не ругались. Она научила меня заботиться не только о своей эгоистичной персоне, но и о близких людях. Карина рассказала мне, что такое настоящая любовь. А сейчас так легко все перечеркнула? Неужели человек может настолько хорошо играть любовь?

Кто придумал теорию, что женщины – слабый пол?! Как слабый человек может быть настолько циничным и равнодушно выбросить из жизни два года идеальных отношений, совместные планы на будущее, общие цели и стремления. В ее Инстаграмме уже не было наших фото – вот так легко удаляются воспоминания в наше время. Женщина, которая еще вчера была образцом верности и преданности, уже сегодня воротит от тебя нос, как от прокаженного. Страшные эти существа – женщины. Они живут в своем мире, нет ни одной похожей, но все они одинаково опасны в своих желаниях и способах достижения этого желаемого.

Глава 3

Бежать. Бежать. Бежать

Утро началось с прихода нашего семейного адвоката Карла Федоровича, высокого и долговязового мужчины, который должен был рассказать истинное положение дел моего отца.

– У меня самые плохие новости для вас, – прискорбно начал он. – Ваш муж и отец оставил вам огромное количество долгов, которые необходимо оплачивать. Я просил его остановиться и признать себя банкротом. Но он был слишком упертым и связался не с теми людьми. Я не беру ответственность обвинять их в его смерти, но факт остается фактом – Алексей Викторович ввязался в игру, с которой не смог справиться. Я боюсь, что скоро к вам придут.

– Кто? – с вызовом спросила мама.

– Эти люди. Они будут требовать свои деньги обратно. Но у вас их нет. У вас ничего нет. Он потерял все.

– Что? – заикаясь, спросила она.

– Ваш муж потерял не только свои, он израсходовал средства своих партнеров, истратил легальные и не совсем честные деньги в попытке спасти положение. Лео, твои фирмы, к сожалению, он продал еще полгода назад. Мне очень жаль.

Алексей Викторович связался с очень опасными людьми. Они тоже придут к вам. Я очень уважал вашего отца, поэтому я прошу тебя, Лео – беги.

– А моя мама?

– Им будет нужна твоя подпись, по завещанию все отходит тебе. Маргарита Сергеевна переедет в квартиру своих родителей. Этот дом придется продать – отдадим хотя бы малую часть долгов. Я лично буду следить за безопасностью твоей мамы. Но с тобой все сложнее – ты выгоднее мертвый. Поэтому ты уедешь.

– Мама, уезжай. Я решу все вопросы.

– Нет. Довольно. Ты уезжаешь. Точка, – сказала она очень сурово.

– Но...

– Если ты хоть капельку меня любишь...

– Это нечестно.

– Наша жизнь – нечестная, сынок. Но у нас не выбора. Во сколько ему надо уезжать?

– Ты поедешь на автобусе до Челябинска, потом улетишь в Стамбул.

– Почему я не могу отсюда улететь? – вырвался у меня вопрос.

– Потому что здесь тебя уже будут ждать. Ты полетишь по своему паспорту. На поддельный документ просто нет времени, извини. А время – единственный козырь, который у нас есть, чтобы тебя спасти. В Стамбуле тебе придется жить

без паспорта какое-то время. Ты найдешь жилье и работу. Хватайся за любое дело, за которое платят, чтобы выжить. Прости, но пока ты официально не вступишь в права наследования, ты не сможешь вернуться. Долги твоего отца я постараюсь потихоньку закрывать из тех денег, что были спрятаны «на черный день». Итак, ты прилетишь в Стамбул. Они будут тебя искать, но если ты не оставишь ниточек – они тебя не найдут. Будь в Стамбуле три месяца, пока я не подготовлю документы для тебя. Через три месяца ты позвонишь мне и скажешь, как тебя найти. Ты хорошо запомнил? Запиши мой номер. Избавишься от сим-карты. Купишь новую там.

– Но почему Стамбул?

– Там у тебя нет знакомых. А, значит, не будет соблазна позвонить им или встретиться. Никому доверять нельзя.

– Сын, собирайся, – жестко сказала мама.

В полном замешательстве я метался из угла в угол по комнате, пытаюсь решить взять мне рубашку в синюю клетку или в красную. В этот момент зашла мама. Молча усадила меня на кровать, достала старый, слегка потрепанный рюкзак из шкафа и начала упаковывать вещи: трусы, носки, две футболки, свитер, легкая куртка, зубная щетка.

– Все.

– Все? – изумился я.

– Сын, только самое необходимое.

– А как же рубашка?

– Ты меня понял?

– Я люблю тебя, мам, – я обнял маму, но все же положил рубашку в красную клетку в рюкзак.

– Здесь немного денег. Расходуй осторожно. И удачи тебе, парень, – адвокат обнял меня.

Отправление было назначено на 19:00. Стрелка на огромных часах, висевших над выходом на платформы, была на пятнадцати минутах восьмого, когда по громкой связи объявили, что рейс задержан по техническим причинам. Два контролера, стоявшие за моей спиной, стали хихикать и обсуждать, что Иваныч (водитель автобуса, как выяснилось в процессе их разговора) опять заехал к любовнице и немного задержался. Моя жизнь зависела от незнакомого Иваныча, который решил удовлетворить свои физиологические потребности.

Я ждал ровно двадцать один рейс до тех пор, пока не объявили, что Иваныч нагулялся. Контролер торопливо проверила посадочный билет, черкнула галочку в графе напротив моего места и, даже не взглянув на мое лицо, пожелала хорошей дороги. Иванычем оказался худощавый жильный мужичок с идеальной залысиной на макушке, он приветливо мне улыбнулся: «Садись в конец, там хоть сидения расправляются. Все равно пассажиров мало». Кивнув в благодарность за совет, я направился на самые дальние ряды.

Я расположился на одном из ужасно продавленных сидений, на спинке которого была заботливая некогда белая, а ныне просто желто-серая ткань, возможно в далеком про-

плом служившая чехлом. Огромные автобусные окна украшали засаленные шторы с какими-то нелепыми висюльками из прошлого века. Моими соседями-пассажирами были явно мужики-трудяги-вахтовики. Стойкости их похмельного амбре могли позавидовать французы-парфюмеры.

Заведя мотор со второй попытки, мы наконец-то тронулись. Иваныч явно мечтал быть водителем болида, потому что так изящно гнать на огромном разваливающемся автобусе не смог бы даже Шумахер. Мужики одобрительно свистели, когда мы в очередной раз обгоняли какую-нибудь дорожную легковушку, водитель которой удивленно открывал рот, а потом начинал слать проклятья – Иваныч не менее грациозно подрезал обгоняемый автомобиль или пытался прижать его к обочине. Всё это действие сопровождалось его диким хохотом и аплодисментами работяг. К слову сказать, слева от зеркала заднего вида висело сиротливое объявление: «Распитие спиртных напитков и курение в автобусе запрещено». Возможно, мои попутчики не прочитали его или не заметили потому, как их тосты за «то, чтоб хер стоял и бабки были» становились всё громче и громче, а салон автобуса уже давно превратился в огромную пепельницу на колесах.

– Парень, – вытирая сопли рукавом, подсел ко мне один из трудяг. – Пить будешь? Что, как не родной?

– Я не пью, – ответил я.

– Не наш что ли? – презрительно спросил он.

– Что? – переспросил я.

– Ну, заднеприводный что ли?

– Нормальный я. Просто не пью.

– Нормальный и не пьешь? Кодированный что ли? – прищурился мужик.

– Нет.

– Тогда я тебя не понимаю. Ты либо пьешь, либо... Эй, мужики, тут пацан-то не пьющий. Не уважает нас.

На меня уставились шесть пар пьяных глаз. Взвесив все «за» и «против», я произнес:

– Наливай. Что вы там пьете?

– Наш человек, – радостно хлопнул он меня по плечу. – Ваню.

– Что?

– Ты че-то непонятливый какой-то. Имя мое – Ваню. Это Гоша и Гриша. Виталья и Макс. Ну, а это наш Виктор Николаевич, наш руководитель, – Ваню почтительно поклонился.

– Приятно познакомиться, меня зовут Лео.

– Ты точно наш? – прищурился Ваню. – Или этот...?

– Леонид – мое имя, – уточнил я.

– Значитца, Лёнька. Нормальное имя. Мужичье. А то Лео, тьфу.

– Ну, давай, Лёнька, за тебя, – поднял тост Ваню. Пойло было отвратительным, но я выпил все, чтобы не обижать мужиков.

Два часа пути я слушал их байки о том, как они работа-

ли на севере, обмораживали свои задницы, о бесконечных любовницах, верных женах, детях, здоровье. У этих трудяг никогда не было тех благ, которыми обладал я, не было денег, связей, но это не мешало им быть счастливыми. Рядом с ними я ощущал себя не мужчиной, которому уже 28 лет, а пацаном, едва справившим свое 16-тилетие.

– Ты куда едешь-то? – похлопал меня по плечу Виктор Николаевич.

– В Челябинск, – засмеялся я.

– Ты тут не умничай, я серьезно спрашиваю.

– Начинаю новую жизнь.

– Новая жизнь – это хорошо.

– Девушка-то есть?

– Была.

– Жаль, парень. Все ещё будет. Если работа нужна будет, вот мой телефон, – он протянул мне свою визитку. – Не стесняйся. Работа, конечно тяжелая, но зато платят хорошо.

– Спасибо, обязательно сохраню ваш номер.

– Вот и Челябинск. Тебе здесь куда надо-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.